Текст · 17 октября 2022, 13:26
Ирина Кравцова, Анна Павлова,

Вырезать слово «член», закрасить текст черным. Как цензура (а чаще самоцензура), война и санкции осложнили жизнь издателям и авторам книг

Председатель Госдумы Вячеслав Володин считает, что доработанный законопроект о запрете «пропаганды ЛГБТ» может быть внесен в Госдуму на следующей неделе и принят в первом чтении. Изначально автор инициативы, депутат Госдумы Александр Хинштейн предложил ввести в КоАП соответствующие статьи, которые предполагают штрафы до 5 млн рублей, выдворение из России и арест до 15 суток, а также пообещал, что действие закона распространится на книги и фильмы. «Медиазона» расспросила писателей, издателей и представителей книжной индустрии о том, чего они ждут от нового закона, почему готовятся к усилению цензуры в России и как изменилась их жизнь после начала войны в Украине.

«Я рад, что издательство решило не резать текст, а просто залить черным. Там, где были чувства, тяга героев друг к другу, где был их опыт знакомства с собственной сексуальностью, теперь будут пустые черные строки. Простите, что нам пришлось на это пойти, но иначе было нельзя», — так Макс Фальк, автор опубликованной в октябре книги «Вдребезги», отреагировал на решение издательства *LikeBook*[I]

выпустить ее, закрасив черным цветом описания секса между двумя мужчинами.

Само издательство объяснило, что по итогам лингвистической экспертизы было решено убрать некоторые фрагменты, а «чтобы не скрывать факт цензуры, эти предложения закрашены черным маркером — они составили 3% от книги».

Книга «Вдребезги» рассказывает об отношениях двух геев и изначально была опубликована на сайте фанфиков *Ficbook*, как и нашумевший роман о любви пионера и вожатого «Лето в пионерском галстуке», успех которого — беспрецедентный для современной России тираж 200 тысяч экземпляров — так взбудоражил депутатов Госдумы, что они предложили приравнять «ЛГБТ-пропаганду» к пропаганде национальной, расовой или религиозной ненависти.

С критикой на книгу обрушились и в патриотических пабликах, и на телевидении, а, например, Захар Прилепин и вовсе признался, что сжег бы выпустившее книгу издательство *Popcorn Books*. «- Как говорится: за что пацаны воюют? Необходимо принятие закона о защите наших национальных советских символов: красного знамени, красного галстука, картин и скульптур реальных и культовых героев того периода. А то желающих покривляться на этом фоне все больше и больше», — написал он.

Расцвет самоцензуры в издательствах

Новый закон о запрете «ЛГБТ-пропаганды» расширит цензуру, с которой издатели детской литературы столкнулись еще десять лет назад, в сентябре 2012 года, когда вступил в силу закон о защите детей от вредной

информации, объясняет одна из организаторов благотворительного книжного маркета «Фонарь» Мария Орлова.

«В святых двухтысячных произошел некоторый расцвет литературы, и издавалось все что хочешь, — говорит она. — Появилось много разных издательств — и взрослых, и детских, которые позиционировали себя как издательства, которые хотят говорить с детьми и родителями о сложном: и про смерть, и про мигрантов, и про историю, и про войну».

Принятый закон, по ее словам, ударил тогда в первую очередь по литературе для детей и подростков, а «взрослые» издательства почти не обратили на него внимания: «Не получилось у книжников выступить большим единым фронтом против этого фактически цензурного закона».

Закон о защите детей от вредной информации был прописан настолько плохо, что давал большое пространство для самоуправства, вспоминает Орлова: магазины убирали книги, которые посчитали относящимися к категории 18+, хотя такой маркировки на них не было, и не продавали их детям. Кроме того, библиотеки могли изымать книги с полок, а родители — писать доносы.

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

«И тогда включился инструмент самоцензуры, — констатирует Орлова. — Когда кто-то что-то вымарал

из книжки, вырезал фрагмент, переделал героев-геев на героев-друзей, убрал какую-нибудь картиночку подозрительную — это все регулировалось не законом, не цензор проверял вас от государства. Но этот механизм включился ровно потому, что последствия могли быть очень неприятные. Поэтому, не дожидаясь штрафа на миллион, все увлеченно занимались самоцензурой».

Но больше штрафов издателей напугали как раз «случаи самоуправства», считает организатор книжной ярмарки. Например, в апреле 2015 года, в преддверии 9 Мая, Московский дом книги снял с продажи графический роман «Маус» о Холокосте. По одной из версий, причиной стала свастика на обложке. Русская служба «Би-би-си» писала, что это могло быть связано с законами[2], запрещающими демонстрацию нацистской символики.

«Никто не отдавал распоряжение уничтожить тираж, не было цензурной группы, прокуратура не начинала расследование, но магазины убирали книжки с полок. И это равносильно штрафам для издательства», — объясняет Орлова.

Так, например, случилось с книжкой «Флаги мира для детей», скандал вокруг которой в 2013 году спровоцировал инициатор нынешнего законопроекта о запрете «ЛГБТ-пропаганды» Александр Хинштейн: в твиттере он возмутился, что в описании флага Литвы было указано, что красный цвет означает кровь, пролитую «литовским народом в борьбе с русскими и германскими завоевателями». В итоге магазины вернули весь тираж издательству «КомпасГид».

Мария Орлова вспоминает другой случай с шведской книгой «Цацики идет в школу» издательства «Самокат», в котором она работала: из-за эпизода, где младшеклассники изображают семейную пару и ложатся вместе в кровать, на книгу ополчились разгневанные родители, и некоторые библиотеки вынуждены были убрать ее с полок.

«То есть цензура осуществлялась не только Хинштейном, но и бдительными гражданами, — говорит Орлова. — Поэтому у "Самоката" были случаи, когда мы вырезали слово "член", чтобы просто не называть его: девочка смотрит на мальчика — они там проплыли долго, замерзли и забираются в сарайчик, чтобы погреться — ой, какая штучка, там никакого секса не происходит. В одной из книжек проблема была с геями, потому что они были глубоко под запретом, и мы убирали поцелуй между братом главной героини и его бойфрендом».

Несколько лет назад стало известно, что из российской версии книги «Сказки на ночь для юных бунтарок» убрали историю о трансгендерной девочке — в издательстве «Бомбора»[3] объяснили,

что «публикация полной версии, к сожалению, в России невозможна». В 2019 году выяснилось, что в первом русском издании романа Джонатана Литтелла «Благоволительницы» вырезали целые куски текста. Их вернули при переиздании.

При этом издатель и один из учредителей книжного магазина «Фаланстер» Борис Куприянов уверен, что «цензуры в России еще нет» и историю с «Благоволительницами», о которой первым написало основанное им издание «Горький», тоже нельзя назвать примером цензуры.

«Есть слабоумие и волюнтаризм маленьких начальников, которые видят в чем-то что-то не то, есть какие-то представители гражданского общества, которые ходят в магазины, какие-то книжки им не нравятся, и есть самоцензура. То есть в принципе никаких проблем писать, выпускать какие-то исторические книжки в связи с цензурой нет», — говорит он, добавляя тем не менее, что видит «очень неприятное и тревожное приближение к этому вопросу».

Главной проблемой издателей он называет монополизацию книжного рынка, а самоцензура, по его мнению, опаснее цензуры «в тысячу раз», «потому что люди боятся не репрессий реальных, а репрессий воображаемых».

С другой стороны, пока многие опасаются еще не принятого закона о запрете «ЛГБТ-пропаганды», крупные издательства «не смущаются» издавать книги, которые под закон подпадают, например «Лето в пионерском галстуке».

Закон о запрете «пропаганды ЛГБТ» и вымарывание страниц

В середине лета депутаты Госдумы предложили запретить «отрицание семейных ценностей, пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений» и приравнять их к пропаганде национальной, расовой или религиозной ненависти. В конце августа депутат Александр Хинштейн предложил ввести в КоАП статьи, предполагающие за такую «пропаганду» как штрафы до 5 млн рублей, так и выдворение из страны и аресты до 15 суток.

Если его примут, это будет означать «кирдык» для современной книжной индустрии, «потому что станет совсем непонятно, как с этим работать», уверен директор Ассоциации интернет-издателей Владимир Харитонов.

«Нужно понимать, что квир в огромном количестве присутствует и в классической, и в современной литературе. И кто будет оказываться крайним? Можно предположить, что крайними окажутся книготорговцы, потому что они же распространяют», — рассуждает он.

Выступая на ежегодной Московской международной книжной ярмарке 5 сентября, Хинштейн заверил-

, что ему известно об опасениях книгоиздателей, и объяснил логику нового законопроекта: «Нельзя, чтобы пропаганда как минимум подчеркивала равнозначность гомосексуальных отношений с "традиционными" и как максимум — их преимущество. [Нужно] чтобы литература или любая другая информация не была направлена на то, чтобы сказать: "Да нет, они не просто такие, как мы, они даже лучше"».

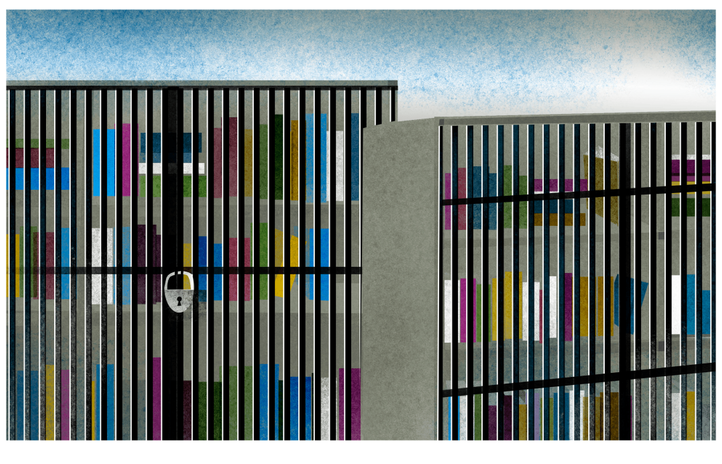

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

Хинштейн уточнил, что роман «Лето в пионерском галстуке» он считает пропагандой, а «Лолиту» — нет, «потому что в конце главный герой Гумберт плохо кончает свою жизнь». «"Лолита" — это попытка исповеди главного героя, да и сама Лолита кончает плохо, родив мертвого ребенка. У того, кто прочитал "Лолиту", не возникает желания оказаться в шкуре Гумберта», — уверен Хинштейн.

Закон еще не принят, но издательства, перестраховываясь, уже начинают его исполнять.

«[Специалист от издательства] провел анализ текста и сказал, что если вы напечатаете вот с этими абзацами, то вы попадаете под этот законопроект. По факту из книги порекомендовали изъять почти все эротические описания», — рассказывает Макс Фальк, в романе которого издательство *LikeBook* решило закрасить 3% текста, чтобы он не подпадал под этот

закон. Автор книги отмечает, что «сама по себе идея пропаганды ориентации» кажется ему абсурдной.

По словам Фалька, он сознательно согласился на предложенный издательством вариант закрасить некоторые сцены, потому что это не вводит читателей в заблуждение и показывает, что «текст просто не соответствует современным реалиям, и эти реалии чудовищны».

«Я в России не живу уже давно, но у меня есть знакомые квиры, которые там живут, и для них с каждым днем жизнь становится все страшнее. И эта цензура, то есть залитие черным кусков текста — это то, что происходит в реальной жизни. Это такая маленькая метафора, — говорит он. — И мы вместе с издательством в этом плане были единогласны, что мы покажем, что вот здесь и здесь вам не разрешили читать. И это такой отчасти стейтмент, это протест, такая в чем-то итальянская забастовка».

Сразу после внесения законопроекта в издательской среде началась паника, считает директор Ассоциации интернет-издателей Владимир Харитонов: «Сейчас издательство выпустит тираж, потратит деньги, и бах — выйдет свеженький закон, тираж вернут назад. А вдруг в этом законе будет написано, например, что с сегодняшнего дня пропаганда ЛГБТ-отношений карается тюремным заключением? Поэтому и перестраховываются, поэтому и вымарывают».

По словам Харитонова, именно поэтому некоторые издательства ставят маркировку 18+ в том числе и на классическую литературу, хотя тот же закон о вредной для детей информации говорит, что он

не касается произведений с «высокой культурной ценностью». «Потому что они же понимают, как работает наша правоохранительная система», — говорит Харитонов.

При этом он уверен, что новый закон в книжной отрасли реализовать крайне сложно. «Условно говоря, тысячу фильмов можно отсмотреть (этим, вообще говоря, уже занимается министерство культуры, которое выдает лицензию). А кто будет заново читать 300 тысяч книг актуального ассортимента, находящегося в продаже? Это невозможно представить. Это не просто дополнительные расходы, это остановка производства», — рассуждает Харитонов.

По мнению Владимира Харитонова из Ассоциации интернет-издателей, в ближайшем будущем авторы будут соглашаться на удаление даже целых глав. «Ну а как это не сделать, если Гозмана[4] на 15 суток посадили?» — говорит Харитонов.

Саша Шадрина из *No Kidding Press*, издающего феминистские книги, говорит, что для них «акты самоцензуры на уровне купюр» невозможны, иначе им пришлось бы вырезать весь текст книг, начиная с идеи. «У нас многие книги — это квир-книги, они рассказывают об опыте гомосексуальных людей», — объясняет Шадрина. Она признает, что многим независимым издательствам все сложнее уклониться от самоцензуры и, вероятно, скоро речь будет идти не о купюрах, а в принципе о решениях о публикации той или иной книги.

С другой стороны, Шадрина отмечает успех *Popcorn Books*, выпускающих *young adult*[5], что

привлекло внимание издательств-монополистов, которые увидели в такой литературе коммерческий потенциал. «В этом и есть парадокс. С одной стороны, как бы чего не вышло, с другой стороны, читатель голосует рублем. И они, конечно, никогда себе не отказывали в том, чтобы последовать за читательским спросом. А сейчас они и купили, в общем-то, *Popcorn Books*, и что им с этим портфелем делать в случае принятия закона, непонятно», — говорит издательница.

По ее словам, раньше считалось, что книги властям неинтересны и контроль за ними не такой сильный, но с началом войны внимание к издателям стало заметно, особенно после скандала вокруг «Лета в пионерском галстуке».

«Вокруг была еще информационная кампания, были какие-то публикации про издателей, которые подписали письмо против войны. Это не какая-то точечная инициатива, — говорит издательница. — Потом этот закон, мне кажется, по большей части давит на книжников. Ну да, если говорят, что это идеологическая война с "ценностями" Запада, она внутри так и проявляется, что, конечно, нам не нужны гендерные свободы и книги такие нам не нужны».

17 октября Российский книжный союз направил обращение Хинштейну с просьбой пояснить, являются ли некоторые сюжеты в произведениях из перечня классической литературы и списка школьной программы пропагандой отрицания семейных ценностей. В качестве примеров

представители союза привели отрывки из десятка произведений, в том числе «Грозы» Александра Островского, «На дне» Максима Горького, «Тихого Дона» Михаила Шолохова, «Морфия» Михаила Булгакова, «Лолиты» Владимира Набокова, «Собора Парижской Богоматери» Виктора Гюго, «Илиады» Гомера и других.

Война и новые запреты

Еще одна чувствительная для России образца 2022 года тема — война. Летом библиотеки в Екатеринбурге внезапно получили негласное указание избавиться от повести «Полынная елка» Ольги Колпаковой — в ней рассказывается о семьях советских этнических немцев, переселенных из Поволжья в Сибирь в годы Великой Отечественной войны.

Это тем удивительнее, что «Полынная елка», вышедшая в издательстве «КомпасГид», в 2019 году получила Международную литературную премию имени Петра Ершова за лучшее патриотическое произведение для детей и юношества. Книгу включили в список для внеклассного чтения и создали по ней рабочую тетрадь. Она была переведена на немецкий язык и использовалась для работы с детьми, которые изучают немецкий язык в России. И тем не менее ее начали изымать из библиотек Свердловской области и ставить маркировку 18+, хотя у «Полынной елки» уже был установлен возрастной ценз 12+.

«Для детской книги подобный бойкот означает фактическую смерть, ведь она не попадает к

своему читателю», — объясняли в письме министру культуры Свердловской области Светлане Учайкиной российские писатели, выступившие против такой инициативы.

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

Основанием для нее стало некое распоряжение областного министерства культуры, которое опирается на экспертное заключение проректора по воспитательной работе и проектной деятельности Уральского государственного педагогического университета (УрГПУ) Ивана Поппа.

«Когда я прочитала выдержки так называемой экспертизы о том, что я якобы пытаюсь в своей повести оправдать наступление фашистов, то первым делом подумала, что эксперт мою книгу просто не читал, — говорит сама Ольга Колпакова. — Он буквально выдергивает из контекста фразы и даже не читает предложение, которое идет следом за ними. Например, он приводит фразу из повести, где российские немцы перешептывались: мол, мы же немцы и они немцы, поэтому, может быть, мы сможем как-то договориться. Здесь, по мнению эксперта, я симпатизирую фашистам. Но сразу после этих мыслей героев повести следует история о том, как им не просто не удалось договориться с немцами, но их даже стали угонять в плен и расстреливать. То есть мы видим, что этот план сразу был разрушен».

Также эксперт Попп пришел к выводу, что в своем произведении Ольга Колпакова пытается косвенно дать понять, что «эмиграция является единственным избавлением от повседневных проблем». А это, как считает автор исследования, опровергает основные позиции «современной России по сбережению народа России и развитию человеческого потенциала».

Сама писательница говорит, что хотя героиня повести в конце концов и эмигрирует в Германию, будучи уже старой женщиной, у нее остаются «те же самые вопросы к Богу, которые были в детстве», то есть эмиграция ее не спасла. «Выходит, эксперт просто не умеет читать художественную литературу, — говорит она. — Ему не было дела до текста, его целью было только найти врага».

В исследовании Поппа говорится, что «попытка внушить читателю неуважительное отношение к власти не только через товарища Сталина, но и местных руководителей наводит на мысль о разрушительном влиянии этого произведения на умы подрастающего поколения». Эксперт утверждает, что он не сумел найти в тексте «ни одного сюжета с позитивным мнением о представителях советской элиты».

Центр исследований детской литературы Института русской литературы РАН провел собственную экспертизу «Полынной елки» и пришел к выводу, что она соответствует маркировке 12+, а в середине августа губернатор Свердловской области Евгений Куйвашев призвал оставить книгу в школах и детских библиотеках, однако этого оказалось недостаточно.

«Эта экспертиза [РАН] не является поводом для того, чтобы книга вернулась в библиотеку, потому что должен быть точно такой же указ, опять от министерства, который отменяет их маркировку 18+ и возвращает книгу детям, а такого указа нет», — объясняет Колпакова.

Писательница считает, что интерес к ее книге возник так внезапно, потому что у государства сменились ценности, а, по ее словам, главная идея всех ее книг в том, что «ничего нет дороже человеческой жизни».

«Наверное, это не совпадает с идеями моего родного государства, вместо этого возвращаются уроки пропаганды и политинформации в школах. Сейчас властям стала совершенно неинтересна личность и судьба одного человека или одной семьи, как в моей книге, нам нужен какой-то объединяющий всех жуткий подвиг. Думаю, что повесть идет вразрез с нынешней политикой. Да и вся эта история с цензурой, под которую попала моя книга, она ведь не про художественную ценность произведения, а только про политику и есть», — заключает Колпакова.

По словам писательницы, с цензурой ей приходилось сталкиваться и раньше, например, в одной из ее книг пиво заменили на валерьянку, об одном герое издатель говорил, что он «не должен определенным образом выражаться», потому что это «вызовет вопросы».

«Но сейчас начался какой-то совершенно новый виток, когда начинают запрещать не просто детали, например, лишний раз ребенку не упоминать про сигареты, а запрещают говорить о целых темах, и

это, конечно, очень опасно. Казалось бы, в России в последнее время детская литература встрепенулась. Мы стали и смелее, и интереснее, и современнее. У нашей литературы появилось новое дыхание, ушел страх говорить с детьми на те темы, которые в советское время не затрагивали. А сейчас такой откат», — сетует писательница.

С началом войны в Украине российские издатели столкнулись с невозможностью купить права на иностранные книги, а многие правообладатели разорвали уже существующие контракты. «Целые страны официально не работают с Россией, прекращены любые экономические отношения. Если у тебя даже что-то куплено, огромная проблема платить роялти. Вся наработанная база издательских портфелей оказывается просто бессмысленной», — говорит соорганизатор благотворительного книжного маркета «Фонарь» Мария Орлова. **No Kidding Press**, издающее по большей части переводную литературу, столкнулось с теми же трудностями. По словам Саши Шадриной, кто-то принял во внимание, что они независимое издательство, а кто-то придерживается более жесткой позиции: «Если здесь платишь налоги, значит, ты поддерживаешь происходящее».

Пока что такой организованной машины цензуры, которая была в СССР, в России нет, считает Владимир Харитонов, а у властей нет возможностей такую машину строить. «Наше государство теперь другое — оно не про литературу. Оно даже, как ни странно, мне

кажется, не особенно про пропаганду, потому что у него нет никакой идеологии. В СССР идеология была ясная, ее можно было написать и работать с ней, как по учебнику. А сейчас четких представлений о том, что можно и нельзя, нет. Да еще и наши чиновники книжек вообще не читают», — уверен он.

Редактор: Мария Климова

1. Входит в состав «Эксмо».

2. Речь шла о законах «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» и «О противодействии экстремистской деятельности».

3. Входит в издательскую группу «Эксмо-АСТ».

4. В конце августа политика Леонида Гозмана арестовали на 15 суток по статье об отождествлении СССР и нацистской Германии. В фейсбуке Гозман как раз раскритиковал эту инициативу и написал, что Сталин был хуже Гитлера. Закон о запрете «отождествлять цели и действия СССР и нацистской Германии во Второй мировой войне» приняли в прошлом году, а в апреле в дополнение к нему ввели новую статью в КоАП.

5. Литературное направление, ориентированное на подростков и молодых людей.